
МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин

Алтайский государственный технический университет (г. Барнаул)

У термина «метафизика» – трудная судьба, особенно в XX в. Так, в советской марксистской философии, принявшей эстафету трактовки метафизики от Гегеля, она понимается в смысле «антидиалектики», синонима всего методологически негибкого и чуждого идее развития. В философских течениях Запада ее ассоциируют с абстрактным схемотворчеством, которое чуждо и позитивному научному знанию, и человеческому «жизненному миру». Основные возражения против метафизики формировались и усиливались по мере усиления двух тенденций: с одной стороны, роста научного знания, которое, как казалось, делало совершенно излишним умозрительное постулирование неких единых (тем более идеальных) первоначал мира, с другой же стороны – утверждения плюралистической гносеологической установки в западной философии.

При этом возникла довольно парадоксальная ситуация: сциентистски ориентированные философы считали, что умозрительная метафизика естественным образом вытесняется наукой, доставляющей нам точные и истинные, экспериментально подтверждаемые знания о мире, а философы-гносеологи многих направлений сходились в том, что метафизика, утверждающая онтологичность Истины, устарела потому, что истинных знаний в принципе быть не может. Иными словами, либо истина лежит в науке, и поэтому метафизика не нужна, – либо, напротив, истины нет вообще, и поэтому метафизика тем более не нужна.

Вторую позицию мы подробно рассматривать не будем, так как она является достаточно самопротиворечивой. В самом деле: *полный и последовательный* отказ от понятия истины, победа релятивизма означает не только тупик и для научной, и для философской мысли, но, более того, подрыв самих основ нашей человеческой цивилизации, всех ее социальных институтов. Об этом свидетельствуют и популярные дискуссии о «новой рациональности», которая пытается обойтись без понятия истины. Ведь предлагаемый сугубо практический подход (рациональность средств по отношению к целям) предполагает самоочевидность целей. Но каковы эти самоочевидные цели? Здоровье, материальное благополучие, образование, достойный труд? Очевидно, для разных культур и разных индивидов они далеко не все равнозначны и не одинаково интерпретируемы. Что же касается «оптимальности средств», то она, во-первых, предполагает выбор оптимизируемо-

го фактора (а значит, ставит вопрос о том, почему именно этот фактор оптимизируется), во-вторых, требует учета всех последствий: в итоге мы возвращаемся на исходную позицию, так как для решения этих вопросов нам нужны именно *истинные* всеобщие и обоснованные критерии, не зависящие от нашей субъективности.

Поэтому большего внимания заслуживает первая позиция, сторонники которой апеллируют к науке. Остановимся на ней несколько подробнее, но вначале дадим нечто типа определения метафизики, а точнее, – центральной метафизической линии в философии.

Ее можно именовать по-разному: *платоническая линия* философствования, *монодуалистическая философия*, космическая философия (*космизм*), линия *метафизики всеединства*, линия «истинной любви к мудрости» или «*софийной*» философии, как ее называет наш выдающийся историк философии Г.Г. Майоров. К этой магистральной линии принадлежит и блистательная русская философия, поэтому мы примем органичное для нее название – **метафизика всеединства**. К ее **предельно общим основаниям** (которые многообразно варьируются, но при этом делают эту линию непрерывной от Пифагора и Сократа на Западе, даосизма и конфуцианства в Китае, ведийской философии и махаянистского буддизма в Индии вплоть до их современных интерпретаций и трансформаций) можно отнести следующие идеи, познавательные установки и ценностные ориентиры:

– признание *Абсолютного Первоначала* (Единого, Бога, Парабрамана, Дао, Демиурга, Сверхсознания и т.д.), которое с онтологической, гносеологической и аксиологической точек зрения является источником порядка, смысла и ключевых ценностей мирового бытия, а с антропологической точки зрения – предельной целью человеческих чаяний и стремлений. Абсолют трансцендентен в своей бесконечной смысловой и номологической полноте и совершенстве для любого земного, пусть трижды гениального и развитого, духа, но частично открывается в разнообразных формах: от природных явлений и сакральных текстов до личных озарений и откровений;

– явный или неявный *онтологический монодуализм* (этот термин довольно активно использовался русскими религиозными философами: Н.Я. Гротом, С.Л. Франком, С.Н. Булгаковым), когда Абсолютное Первоначало, источник структурообразующих, смысло- и целесозидающих (духовно-идеальных) потенциалов, обязательно предполагает наличие противоположного материально-энергетического начала, необходимого для его внутреннего самоопределения и последующего онтологического развертывания. Иными словами, в основе мира лежит не дух (идеальное) и не материя, а **идеально-материальная реальность**, и, таким образом, постулируется **субстанциальность идеального**;

– *иерархическое и динамическое строение бытия*, так как полярные начала должны взаимно опосредствоваться и развертываться. Развитые и более

поздние варианты монодуалистической онтологии стараются органически и диалектически сопрячь:

а) эволюционные процессы в Космосе, включая посильное осмысление диалектической развертки Абсолюта (Августин, Николай Кузанский, Лейбниц, Шеллинг, Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев и вся русская традиция метафизика всеединства, особенно Е.Н. Трубецкой и С.Н. Булгаков);

б) земную эволюцию человечества, призванного к телесному и духовному преобразению, а не к самоценному научно-техническому и социальному прогрессу;

в) индивидуальное духовное развитие человека на Земле и в Космосе.

Ясно, что принципы эволюционизма и иерархизма предполагают признание всеобщих *причин и целей* мирового бытия. Эти цели, однако, могут достигаться различными путями, а в локальном плане – не достигаться вовсе. Таковой может стать судьба нашей Земли, если она погибнет от человеческого неразумия и бездуховности. Таковым может быть нравственное падение отдельного человека или народа. При этом целевая детерминация процессов развития вовсе не отрицает ни причинной детерминации, ни принципа свободы. Наиболее продуманные метафизические модели глобальной эволюции принадлежат Лейбницу, Шеллингу, В.С. Соловьеву, Н.О. Лосскому, С.Н. Булгакову, Шри Ауробиндо Гхошу, П. Тейяру де Шардену, а также учению «Живой этики». [В.С. Соловьев и Н.О. Лосский заложили основы супранатуралистической теории эволюции, которая будет обязательно востребована в свете последних синергетических и космологических моделей эволюции и о которой мы обстоятельно поговорим ниже.];

– *диалектическая и синтетическая методология философствования*, которую мы обнаруживаем у всех без исключения крупных представителей линии метафизики всеединства. Однако диалектическое (или разумное) мышление в рамках метафизики всеединства, в отличие, скажем, от гегелевской и марксистской диалектических традиций, подразумевает наличие *сверхрациональных* (или интуитивных, трансцендентных) способностей души (сознания), как у того же Платона, неоплатоников, Николая Кузанского, Шеллинга, В.С.Соловьева, С.Л. Франка, П.А. Флоренского или Н.О. Лосского. Благодаря сознательному развитию этих способностей разуму постепенно открывается то, что запредельно для сознания «усредненного» индивида;

– отсюда же следует *признание глубинного (или божественного) Я* в человеке. Это глубинное Я – носитель трансцендентных знаний, смыслов и устойчивых черт характера земной личности. Здесь экзистенциалисты открыли верный факт, но не дали ему подлинно метафизической интерпретации: человек действительно всегда экзистенциально «больше» и мудрее самого себя и никогда не может до конца познать свое глубинное Я. Но сделать он этого не может вовсе не потому, что он в каждый момент времени «другой» или «сам себя строит», а потому, что его подлинное личностное своеобразие, духовные цели и идеалы – коренятся не в генотипе, не в социуме и даже не в культуре с

языком, а в онтологически высших слоях мировой реальности. Его глубинное Я – отблеск Божественного Я. Лишь в силу этого человек потенциально может быть полноправным и творческим гражданином Вселенной, перед которым нет пределов для совершенствования и восхождения. Не случайно традиция метафизики всеединства удивительно единодушна в этом вопросе. В рамках психологии XX в. на этих позициях стояли отчасти К.Г. Юнг и особенно Р. Ассаджиоли, приводя целый ряд психологических аргументов тому, что за поверхностью нашей личности (эмпирического повседневного «я») незримо стоит наша подлинная индивидуальность;

– *ориентация на достижение органического единства между научным, религиозным и философским знанием*, что мы видим уже у Пифагора и Платона, Авиценны и Николая Кузанского, Леонардо да Винчи и Лейбница, Гете и А.С. Хомякова, позднее – П.А. Флоренского и В.И. Вернадского. Примеры и значение подобного синтеза подробно рассмотрены нами в монографии «Скрижали метаистории» [1]. Эта метафизическая направленность на объединение различных творческих сил и сфер человеческого духа как никогда важна сегодня, когда человечество вступило в великую эпоху синтеза ранее накопленных знаний. Этот тот самый случай, когда прошлый – давний и недавний – философский опыт метафизики всеединства обнаруживает колоссальные методологические и концептуальные преимущества по сравнению со всеми другими современными философскими течениями, некоторые из которых уже успели состариться, не успев окрепнуть.

На анализе последней идеи мы сейчас и остановимся. Иными словами, попробуем поразмышлять, насколько обоснованы претензии метафизики всеединства на синтез различных видов знания?

В среде сциентистски ориентированных философов (и тем более самих ученых) по-прежнему превалирует классически-реалистический взгляд: научные исследования дают нам объективные – хотя и неизбежно идеализированные и схематизированные – знания о мире «как он есть». Но эта стихийная убежденность в последнее столетие подверглась слишком серьезным атакам, во-первых, со стороны философии науки, продемонстрировавшей социокультурную обусловленность научных теорий и методов, концептуальную «нагруженность» эмпирических фактов и т.д. Во-вторых, что еще более показательно, бастион классической науки начал шататься в самих своих основаниях. Особенно очевидным это стало после выхода научных исследований в сферу явлений, недоступных прямому наблюдению (микромир, мегамир). Наиболее явно проблемы современной науки обнаруживаются в физике микромира, космологии, в дискуссиях о сознании, а также в обсуждениях результатов так называемой «паранауки».

Прежде всего, весьма показательным является тот простой факт, что теоретические интерпретации полученных экспериментальных данных весьма различаются и не обнаруживают явной тенденции к единообразию. При этом, естественно, возникают дискуссии о критериях выбора интерпре-

таций. Далее заставляет задуматься растущая роль математики, особенно, опять же, в физике микромира и космологии (можно сказать – фактическое слияние физики с математикой). Казалось бы, если математический аппарат дает удовлетворительные решения, а эксперимент так или иначе демонстрирует верность выбранных моделей, то чего еще можно требовать? Но, как отмечается даже самыми оптимистично настроенными авторами, – остается (и, главное, нарастает!) проблема внутреннего *понимания* той области, в которую мы погружаемся, – области глубинных уровней материи (а точнее – *бытия*). Поэтому сегодня уже очевидна невозможность однозначной интерпретации не только таких понятий, как виртуальная частица или, например, мнимое время [1], но и привычных нам материи, энергии, массы, пространства и пр. И выбор той или иной теории совершается на основе целого ряда различных факторов, далеко не только «научных». Ведь **мы все менее понимаем, куда мы проникаем и что именно познаем**. Мы описываем мир, который, по всей видимости, *существует*, – и в то же время этот мир явно находится «где-то вне» привычного нам мира, – то ли в сфере чистой математики (а где еще могут существовать отрицательные энергии, мнимое время, отрицательное давление и виртуальные частицы?) то ли вообще неясно где.

И неудивительно, что весьма существенную (если не определяющую) роль в вопросе принятия или отвержения той или иной теории играют именно *философско-метафизические* предпочтения ученого: «В подходе Роджера Пенроса Вселенная возникает в результате флуктуации квантового поля в суперпространстве. С точки зрения Хокинга, однако, Вселенная возникла в результате совпадения трех геометрий в квантовом суперпространстве, что привело к формированию четырехмерного пространственно-временного континуума. Как сделать между ними выбор? На самом деле многие ученые указывали на то, что подход Пенроса не устраивает их своей спорностью: почему одна точка бесконечного суперпространства является началом Вселенной, а не другая или несколько? Модель Хокинга позволяет избежать этой проблемы, и поэтому она кажется более предпочтительной. Интересно то, что эти ученые, к числу которых относятся Пол Дэвис, Крис Ишам и Хокинг, заметили те же самые модели в рассуждениях Августина, который приводил доказательства в пользу создания времени против тех, кто утверждал, что творение происходило во времени. С точки зрения Августина, если Бог должен был бы ждать некоторое неизвестное время, а потом решил бы создать Вселенную, то это говорило бы о его переменчивости в решениях... Было бы интересно увидеть, не являются ли и другие решения научного сообщества по поводу спорных моделей квантовой космологии отражением, по крайней мере частичным, общих идей с сообществом теологов, которые также спорят по вопросу божественного творения?» [3, с. 76]. Этот вопрос не случаен: сами лакуны в сегодняшнем научном знании все чаще наталкивают на метафизические интерпретации (работы Ф. Капры, Д. Бома, Дж. Уилера, В. Налимова, С. Мейера и других выдающихся естественников-«метафизиков»).

Среди других «болевых точек» современной науки можно отметить те тупики, в которые явно заходят представители физикалистских трактовок сознания и разума; дискуссии дарвинистов с не-дарвинистскими теориями, в том числе с креационистскими концепциями происхождения жизни. Такие же направления, как синергетика, влекут за собой целый «веер» интерпретаций, выводов, сомнений и критики, в том числе базовых понятий: «... Теория самоорганизации (синергетика) в своих основах не может избежать опоры на метафизические понятия. Таковым является центральное понятие – самоорганизация. Так, можно равным образом утверждать и то, что имеет место именно самоорганизация, и то, что наблюдаемая так называемая самоорганизация обусловлена внешним организующим Началом, а не внутренними свойствами системы. Ни доказать, ни опровергнуть эти положения невозможно. Второе метафизическое понятие теории самоорганизации – флуктуация... С одной стороны, мы можем придавать флуктуациям онтологический статус случайности, с другой – утверждать, что этот статус случайности обусловлен ограниченностью наших познавательных возможностей необходимого...» [4, с. 53].

Не углубляясь в примеры, суммируем следующие *основные тенденции* в современной науке, выделяемые разными авторами и явно ведущие к необходимости пересмотра ее оснований:

– выявляющийся предел эмпирической проверяемости теорий по мере углубления в микро- и мегамир, обусловленный не только техническими ограничениями (недостижимыми объемами энергии, требующимися для проведения экспериментов, потенциальной опасностью многих из них), но и принципиальными ограничениями, накладываемыми познавательными способностями человека, в частности, его бытием в качестве «макросубъекта»;

– растущая гипотетичность вводимых идеализированных объектов для построения непротиворечивых теорий;

– многозначность трактовок базовых понятий, таких, как материя, энергия, пространство, время и других, а также их соотношений (в частности, энергии и массы);

– усиливающийся акцент на относительности всех исходных допущений в науке;

– как следствие из предыдущих пунктов – не только *принципиальная* вариативность создаваемых теорий, но и растущая вариативность (а значит, неопределенность) *критериев выбора* между теориями;

– вытеснение традиционного классически-материалистического понятия «объективной реальности» – «эмпирической реальностью», понимаемой, скорее, в кантовском смысле, то есть тем, что обнаруживается в экспериментах, «является» нам через призму нашего сознания, но принципиально отлично от *непознаваемой* «реальности самой по себе». Таким образом, реальность оказывается неразрывно связанной с сознанием наблюдателя [5];

– принципиальная неоднозначность решений и дискутируемость практически всех предельных научных вопросов – о происхождении и строении Вселенной; о сущности жизни; о механизме эволюционного процесса и многих других;

– известные параллели между современными научными моделями и древними философско-идеалистическими и философско-религиозными системами, а также наличие фактов и обобщений, которые наиболее адекватно объяснимы с метафизических позиций. Это, как известно, одна из самых популярных тем, которые весьма раздражают ортодоксальных «реалистов», – во-первых, из-за того, что данные параллели проводятся известнейшими учеными, которых трудно обвинить в «пропаганде лженауки», и, во-вторых, в силу невозможности найти сколько-нибудь адекватное объяснение данному факту, кроме одного, – того, что мыслители древности действительно обладали способностями непосредственного прозрения тайн бытия, то есть тем самым трансцендентным (или трансперсональным) опытом, о котором говорит метафизика всеединства;

– и, наконец, все настоятельнее требуют осмысления накапливающиеся факты «паранормальных» явлений. Попытки попросту отмахнуться от них, объявив шарлатанством или же связав с неточностью проводимых экспериментов, ничего не дают – пропорционально росту интереса к данной сфере растет и число серьезных исследований, и скоро, судя по всему, превысит «критическую массу».

Среди этих проблем особого внимания заслуживает проблема понимания самой *реальности*. Становится ясной необходимость пересмотреть представление об онтологической пропасти между идеальным и реальным (материальным), то есть отказаться от одного из «китов», на которых стояло все европейское естествознание, как классическое, так и неклассическое. На чем основан этот вывод?

Прежде всего, опять же, на самих тенденциях развития естествознания. Размывание границы между «идеальным» и «реальным» бытием становится очевидным – хотя бы в виде *утраты критерия самой «реальности» бытия*: «Виртуальные частицы характеризуются некоторым “мерцающим” бытием. Они не существуют таким же образом, как обычные частицы и никогда не наблюдаются актуально. С точки зрения философии их адекватное понимание может быть достигнуто посредством концепции многомодусного бытия... Объекты можно рассматривать сущими по крайней мере на двух модусах бытия – потенциальном и актуальном. При таком подходе ВЧ необходимо исследовать как объекты, существование которых отнесено только к модусу потенциального бытия...» [6, с. 83]. Но ведь именно потенциальным бытием наделены платоновские идеи, эйдосы! Допустим, что приведенная цитата – слишком вольная философская интерпретация; более точно виртуальные частицы определяются как существующие очень малый промежуток времени; при этом для них не выполняется соотношение между массой,

энергией и импульсом; это именно те частицы, которые «рождает» вакуум и с помощью которых «реальные» частицы обмениваются друг с другом взаимодействиями. Но ведь это снова лишь одна из теоретических моделей: виртуальные частицы в принципе невозможно зафиксировать в эксперименте, а поэтому снова хочется задать «наивный» вопрос: существуют они или нет? По словам Хокинга, хотя их нельзя непосредственно зарегистрировать, «...однако мы знаем, что виртуальные частицы существуют, потому что они создают эффекты, поддающиеся измерению» [7].

Хокинг, по-видимому, не замечает, что точно в этом же смысле можно утверждать реальное существование самих физических законов как *идеальных* структур – они ненаблюдаемы, но «создают эффекты, поддающиеся измерению»! И математические закономерности вполне укладываются в господствующее сегодня определение реальности: они систематически «являются» нам в физическом мире, в его закономерностях и связях наблюдаемых явлений. Не случайно и «отцы-основатели» квантовой механики отходили от привычного материализма, как В. Гейзенберг, бывший убежденным платоником: «Концепция объективной реальности элементарных частиц, следовательно, курьезным образом испаряется, обращаясь не в туман, не в какое-то новое неясное или еще не постигнутое понятие реальности, а в прозрачную ясность математики...» [8, с. 41].

Но как только мы признаем онтологическое единство «реального» (материального) и идеального, перед наукой заново встанет вопрос об их специфике и взаимосвязи; вслед за этим – вопрос о том, что именно считать относящимся к идеальному бытию, о его существенных характеристиках. В частности, к нему безусловно следует отнести человеческую мысль как таковую (мыслеформы), а это означает признание субстанциальности мысли; далее, соответственно, должен последовать пересмотр сложившихся представлений о механизмах и формах познания и т.д. До сих пор эта ситуация до конца не осознана; для многих и сейчас не ясно, что она является *серьезным вызовом именно традиционным научным взглядам*, «не отягощенным» никакой метафизикой.

Правда, часто приходится слышать следующее: «Если наука и зашла в тупик, то не иррациональной метафизике указывать из него выход». Такая противопоставленность науки метафизической традиции опирается прежде всего на определенный набор стереотипов. Показательна в этом плане известная статья Дж. Холтона «Что такое антинаука». В ней он дает перечень основных черт модели «*модернистской картины мира* с присущей ей сильной ориентацией на науку» [9, с. 23]. А именно: «высокий статус объективности; стремление к количественным, а не качественным результатам; интерсубъективный, надличностный, универсальный характер результатов...; абстрактный характер результатов в противоположность данным чувственно-непосредственного опыта; скорее инструментальное, нежели субстанциальное понимание рациональности... установка на доказательность (требо-

вание верификации или проверки на фальсифицируемость); тенденция к тиражированию и воспроизводимости результатов; скептическое отношение к авторитетам, интеллектуальная самостоятельность и автономия... неприятие любой сакрализации... антитрансцендентный, антиметафизический характер общей установки деятельности...» [9, с. 23]. Соответственно, «антинаука», по Холтону, ориентирована зеркально противоположным образом.

Можно выделить две основных причины закрепления подобных стереотипов. Первая – весьма идеализированное и уже не соответствующее действительности представление о самой науке (что мы попытались выше показать) и, главное, столь же не соответствующее действительности представление о метафизике – попросту некомпетентность в данной сфере. Она выражается, прежде всего, в неразличении между высочайшими образцами метафизической традиции и множеством весьма вторичных или прямо ложных учений и практик, где происходит либо отход от выверенных основ, либо сознательное искажение в угоду земным целям. Здесь чаще всего нет никакой метафизики, а есть псевдометафизические и псевдомистические спекуляции, проще говоря – безграмотная концептуальная отсебятина.

Увы, не лучше дела обстоят дела и с компетентностью критиков этой отсебятины. Не случайно «борцы против лженауки» без разбора относят к ней мировые религии, восточные философско-идеалистические и религиозно-идеалистические системы, магию, тоталитарные секты и явное псевдонаучное шарлатанство. [Критики метафизики априорно исходят из убеждения, что постоянная воспроизводимость религиозного мировоззрения в новых поколениях, «живучесть» веры в запредельное, популярность «паранауки» связаны исключительно с политическими, культурными и социально-психологическими факторами: с невежеством «массового человека», его тягой к «чудесам» и уязвимостью перед социальными катаклизмами; с политическими играми; с коммерческими и властными интересами различных групп и структур. Подобный плоский естественнонаучный атеизм просто-напросто воспроизводит старые аргументы, которые можно найти в том же «Карманном богословии» П. Гольбаха.]

Кроме этого, постоянно происходит смешение мировоззренческих и социальных аспектов традиции. Странно, например, читать в тысячный раз о том, как церковь «душила свободную мысль» в качестве чуть ли не основного аргумента против религиозного миропонимания, – ведь очевидно, что личные предрассудки и карьерные интересы тех или иных деятелей церкви, устранявших конкурента в лице науки, точно так же не определяют сущность религиозного мировоззрения, как подобные же предрассудки и интересы не определяют сущность науки (тоже, в общем, устраняющей конкурента, как откровенно пишет тот же Дж. Холтон).

Вторая причина заключается в установке «непроблематизируемой очевидности». Стоит лишь отказаться от нее и согласиться с существованием иных форм познания, дающих доступ к другому срезу реальности, – как ме-

тафизическая традиция предстает в совершенно ином свете. Становится ясно, что *базовые принципы ее различных направлений играют ту же роль теоретико-методологического каркаса, что и соответствующие базовые принципы в современной науке*. И поэтому любая серьезная традиция демонстрирует и высочайший уровень теоретико-философского мышления, и рационализм; а если говорить о русской религиозной философии – то и органическую связь с наукой.

Обычно следует вопрос: на чем, в таком случае, основаны сами эти базовые принципы метафизики, «откуда они берутся»? Но ответ прост: они точно так же являются суммарным результатом непосредственного *опыта* (только особого, трансцендентного), глубокого промышления и обобщения, как и научные принципы. Более того, они точно так же подлежат постоянному изменению, развитию – по мере углубления познания. Все принципы метафизики всеединства, о которых мы говорили выше, проверены и отшлифованы тысячелетней интеллектуальной традицией и трансцендентным опытом многих гениев. Уже в силу только этого современным ученым было бы чрезвычайно полезно с этими принципами систематически ознакомиться, а не дилетантски их отрицать, чтобы потом, по-доморощенному, самим их формулировать. Для этого, кстати, аспирантам ранее преподавали философию, ныне легкомысленно замененную в отечественных вузах на «философию науки».

Догматами же эти базовые принципы становятся (когда действительно становятся) под влиянием тех же самых факторов, которые превращают в догматы моральные традиции, культурные нормы или те же самые научные принципы и теории. Поэтому типичный упрек метафизической традиции в догматизме в равной мере можно отнести к любой из сфер, и в том числе к науке. К науке – возможно, даже, в большей степени. И если снова вспомнить таких выдающихся русских мыслителей, как, например, В.С. Соловьев или, тем более, П.А. Флоренский или Н.О. Лосский – становится ясно, что ни о каком противостоянии науки и метафизики говорить не приходится.

Но если так, то должен быть и «эмпирический мост» между данными сферами, между «хорошей метафизикой» и «честной наукой» – скажет читатель. Такой мост сегодня пытается строить так называемая «паранаука», где проводятся эмпирические исследования так называемых паранормальных явлений, – как связанных с особыми способностями человека, типа телепатии, телекинеза, лозоискательства, левитации, реинкарнационных воспоминаний; так и множества иных феноменов, не укладывающихся в рамки современных научных представлений.

Таким образом, паранаука, в ее позитивном и законном, так сказать, аспекте (исключая множество непрофессиональных и некорректных экспериментов, на которые, как правило, и ссылаются критики), – это попытка экспериментально подтвердить существование данных явлений. И эта попытка в достаточной мере увенчивается успехом, но, тем не менее, паранаука по-

прежнему находится за пределами «официальной» науки, и ее даже вполне обоснованные выводы и результаты чаще всего попросту игнорируются. Отсюда и сам термин «паранаука» – «околонаука», которая по многим причинам еще не признана официальной наукой. Главной из этих причин является убеждение в том, что данные эмпирические исследования и тем более попытки теоретических обобщений не удовлетворяют критериям научности, а последние, как принято считать, проводят четкую демаркационную линию между наукой и любыми вариантами не-науки. Но так ли это на самом деле?

Прежде всего, из отмеченных выше проблем современной науки уже ясно, что большинство критериев научности так или иначе нарушаются в самой «официальной науке»: на микро- и мегауровнях *критерий практической проверки* становится «ослабленным» – теоретическая нагруженность эксперимента столь высока, что одни и те же результаты могут подтверждать совершенно разные теории, а многие гипотезы в принципе непроверяемы; *критерий повторяемости данных опыта и воспроизводимости экспериментов* соблюдается в современной науке отнюдь не жестко, поэтому неправомерно требовать его соблюдения для феноменов, которые утверждаются и фиксируются в религиозной практике. И, наконец, следуя именно букве и духу самой науки, необходимо непредвзято фиксировать и исследовать явления, выходящие за рамки устоявшихся представлений; если же априорно отрицать их, то это как раз противоречит главным принципам самой науки: *объективности и беспристрастности*.

В статье А. Кезина «Идеалы научности и паранаука» отмечается, что такие требования, как *системность и упорядоченность* знания, а также *непротиворечивость* теории, вполне удовлетворяются, например, в астрологии [10]. Что касается *эмпирической проверки*, то и здесь «...лозоискательство, гомеопатия, астрология демонстрируют результаты, которые нельзя определить однозначно как безуспешные. Проблема еще более усложняется в связи с тем, что в разных предметных научных областях... существуют различные интерпретации успешности проверки. На это обстоятельство справедливо указывает Р. Кауфман применительно к случаю проверки лозоискательства. В этих испытаниях «результаты оценивались позитивно лишь тогда, когда квота попаданий испытуемого (нужно было обнаружить закопанные металлические объекты, водные потоки в специальных трубах) превышала 80%. Такая договоренность если не бесчестна, то, по меньшей мере, наивна. Квоты попаданий от 80% и выше нет во всей психофизиологии. Она относится к области технического мира. Даже вероятность того, что мой автомобиль заведется с первой попытки, возможно, меньше 80% (но было бы абсурдно заключать отсюда, что автомобиль как средство передвижения непригоден)» [10].

Из основных научных принципов наибольшего внимания заслуживает и чаще всего приводится в качестве аргумента «против метафизики» уже упо-

мянутый принцип повторяемости явлений и воспроизводимости результатов опыта. Поэтому остановимся на нем несколько подробнее.

Прежде всего, примеры его далеко не строгого соблюдения в официальной науке отнюдь не ограничиваются такими явлениями, как рождение Вселенной или начало эволюции: «В качестве заключительного аккорда обострения проблемы демаркации между наукой и паранаукой укажу еще на одну трудность, которую Г. Фоллмер назвал “проблемой археоптерикса”. Эта древняя птица найдена всего лишь в шести экземплярах. Эволюционные биологи могут сказать, что эта птица является переходной формой, существовала относительно недолго, была распространена не на всей Земле, прочие ее останки, возможно, находятся под океаном или в горах. Объяснение биологов разумно. Но если объяснения такого рода допустимы как общая стратегия, то уфолог, парапсихолог также может сказать примерно следующее: “Феномены, о которых я сообщаю, являются редкими. Если я их обнаружу, будет большой успех. Если нет, то это также объяснимо, более того, это соответствует природе самих феноменов”. Если такая стратегия допустима для эволюционной биологии, то почему ее не могут использовать паранауки?» [10]. Что же касается гуманитарного знания, то здесь степень соблюдения не только этого, но и всех научных принципов вообще существенно ниже.

Кроме этого, встает вопрос, что считать критериями соблюдения самого данного принципа? Ведь, скажем, если мы признаем субстанциальность идеального, то относительно идеальной реальности можем сделать два возможных предположения. А именно: либо признать, что мы вообще ничего не знаем о ее законах, либо предположить, что она обладает своими характеристиками, но в целом подчиняется неким единым мировым законам, то есть ее явления должны быть точно так же закономерны, повторяемы, воспроизводимы. Первое предположение, очевидно, закрывает возможность «наведения мостов» между наукой и метафизикой – но при этом, подчеркнем, никоим образом не «опровергает» последнюю. Второе же (более перспективное) ставит перед нами вопрос: почему явления идеальной реальности неповторяемы и невозпроизводимы?

На самом деле ответ напрашивается сам собой: идеальная реальность практически недоступна восприятию среднего большинства людей (исключая, конечно, привычные феномены их собственного сознания), но вполне доступна тем, у кого в достаточной мере развиты трансцендентные познавательные способности, – о чем и свидетельствует весь мировой опыт. Но, тем не менее, те или иные феномены, в силу различных, неизвестных сегодня факторов, время от времени проявляются и на физическом уровне и, соответственно, становятся доступны обычному наблюдению, но при этом ложно воспринимаются нами как «единичные факты». И поскольку мы не знаем характеристик идеальной реальности, то и не можем воссоздать начальные условия для проявления ее феноменов, а поскольку не обладаем соответст-

вующими познавательными механизмами, то не можем фиксировать эти феномены сколько-нибудь систематически и удовлетворительно. Легко понять, что, например, для воспроизведения всех исходных условий опыта по передаче мысли надо, как минимум, создать те же самые исходные ментальные состояния не только у испытуемых, но и у членов комиссии; более того – закономерно предположить влияние «потоков мысли», идущих, скажем, от людей из соседних лабораторий.

И, несмотря на эти сложности, даже в тех ограниченных рамках чисто физических экспериментов, в которых может оперировать паранаука, уже накоплено достаточно данных. Завершим это рассуждение высказыванием известного автора, иллюстрирующим как факт наличия значимых результатов, так и истинно научное отношение к ним: «...Если рассматривать природу этих феноменов [паранормальных. – *авт.*] в рамках физики, то им нелегко найти объяснение. Например, существует предположение, что телепатическая передача информации опосредствована некоторым физическим излучением, испускаемым одной нервной системой и воспринимаемым другой... Такой эксперимент был действительно проведен в СССР, и в его результате пришли к заключению, что предположения по поводу того, что происходит в сознании другого, сделанные в таких условиях, были значительно достовернее, чем совершенные наудачу... Но... можно считать, что искомое излучение совершенно не похоже на физическое излучение, которое блокируется непроницаемыми камерами. Но, выдвинув эту догадку, мы уже выходим за пределы известной нам физики.

Если же и предвидение является реальностью, то объяснить его еще труднее... Кажется, что этот вид предвидения не поддается ни одной приемлемой схеме объяснения. Несмотря на это, доказательство еще не закончено. Материалист может... попытаться разработать эмерджентный материализм с особыми законами для центральной нервной системы, даже в принципе невыводимыми из обычной физики. Или же ему следует искать новую физику, которая с помощью унифицированного ряда принципов будет объяснять и предсказывать не только обычные свойства материи и человека, но также паранормальные способности последнего. Если же эти пути окажутся неудовлетворительными, тогда предложенный вариант материализма не может быть исчерпывающей истиной о природе сознания» [11, с. 128].

После всего сказанного представляется совершенно закономерным тот факт, что уже не отдельные, а многие и многие ученые начинают обращаться к метафизическим идеям, от студентов до всем известных ученых с мировыми именами. [О непрекращающемся интересе к параллелям между той же квантовой механикой или космологией и мистическими учениями, особенно буддизмом и даосизмом, свидетельствуют, помимо всего прочего, многочисленные форумы в Интернете, в которых участвуют именно специалисты-профессионалы и особенно, судя по лексике, молодежь.]

Попытки, – часто предпринимаемые оппонентами, – жестко разводить их философско-идеалистические (религиозные) убеждения и научную деятельность выглядят явно искусственными, так как сами ученые подчеркивают их неразрывную, закономерную и плодотворную связь.

Сегодня, судя по общей тенденции, пора говорить уже не об «оправдании метафизики» и ее связи с наукой, так как, независимо от нашего согласия или несогласия, процесс синтеза этих сфер идет с нарастающей интенсивностью. На повестке дня более серьезная проблема – *качество* этой связи. Как в хаосе религиозно-мистических и оккультных школ, философских традиций, а также их многочисленных современных интерпретаций выбрать *истинные* и совместимые с наукой? Каковы здесь критерии истинности? Какие специфические трудности подстерегают нас на пути этого синтеза? И, наконец, какими должны быть методы исследования иных областей реальности? Ведь из сказанного очевидно: «паранаука» может дать лишь некоторое дополнение к традиционным научным исследованиям. Качественно новый скачок в нашем познании мира возможен лишь на пути развития потенциальных познавательных способностей индивида. Этот напрашивающийся вывод уже породил целые движения, в том числе известную трансперсональную психологию, у истоков которой стоят известные ученые и в рамках которой делаются попытки «раскрыть скрытые возможности человека». Обманчивая легкость их «раскрытия», чреватая, помимо прочего, нарушениями психики, редукционизм в интерпретации многих важнейших положений древних учений требуют более глубокого анализа этой сложнейшей сферы.

Ну а завершим мы наш анализ тезисом, с которого, собственно, и начали эту статью. Именно метафизика всеединства, и особенно отечественная традиция метафизики всеединства, представляется нам тем оптимальным интеллектуальным «мостиком», который способен связать философов, обращающихся к узловым проблемам современного естествознания, и ученых, выходящих на осмысление фундаментальных метафизических проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. – Барнаул, 2006.
2. «В мнимом времени Вселенная должна быть конечной, но без границ и сингулярностей. По возвращении же в реальное время, в котором мы живем, обнаруживается, что сингулярности появляются опять... Так что, быть может, именно то, что мы называем мнимым временем, на самом деле более фундаментально, а то, что мы называем временем реальным, – это некое субъективное представление, возникшее у нас при попытках описать, какой мы видим Вселенную» [7].
3. Рассел Р.Дж. Бог и современная космология // Бог, наука и покорность: 10 ученых о теологии смирения. – М, 2007.
4. Курашов В.И. Философия: человек и смысл его жизни. – Казань, 2001. Это, кстати, давний и излюбленный аргумент строгих детерминистов против всяких стохастиков и индетерминистов, восходящий еще к Демокриту.

5. Часто приводят аргументы, подобные следующему: если поставить компьютер для фиксации результатов экспериментов, то мы уходим от проблемы наблюдателя. Но компьютер сконструирован именно на основе технологий, материалов и принципов работы, доступных нашему восприятию, он есть не что иное, как продолжение наших органов чувств. Хотя сторонниками классического подхода и делаются попытки «спасти лицо» – например, в виде разведения понятий *объектности* описания реальности («такой, как она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю») – теперь уже явно недостижимой – и *объективности* «...в смысле адекватности теории действительности», – которая признается по-прежнему достижимой; но очевидно, что развести эти понятия вряд ли возможно, и здесь мы снова встаем перед тем же старым вопросом – где «образец» той самой «действительности», с которой мы хотим сравнивать теорию (см.: [6, с. 87]).
6. Современные философские проблемы естественных, технических и социогуманитарных наук. – М., 2006.
7. Хокинг С. Краткая история времени. От большого взрыва до черных дыр // www.koob.ru; <http://www.klex.ru/u7>.
8. Цит. по: Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. – М., 1977. Показателен здесь комментарий самого Вайнскопфа: «Я не согласен с заявлением о том, что в атомном мире существует какой-либо недостаток реальности. В конце концов, видимый реальный мир состоит из тех же самых атомов, обнаруживающих такое странное поведение...», – классическое отсутствие философского мышления у типичного ученого-естественника: из собственной непоколебимой и непроблематизируемой веры в «реальность видимого мира» он выводит «реальность микромира»!
9. Холтон Дж. Что такое антинаука // Вопросы философии. – 1992. – № 2.
10. Кезин А.В. Идеалы научности и паранаука // Eruditio.ru.
11. Армстронг Д.М. Материалистическая теория сознания // Аналитическая философия: Избр. тексты. – М., 1993.